

Навстречу 80-летию Победы

Горькие уроки 1942-го

10 января 1942 года закончился первый этап первого за годы Великой Отечественной войны стратегического наступления Красной Армии, которое развеяло миф о непобедимости Вермахта и навсегда похоронило немецкую тактику блицкрига. Враг был отброшен от Москвы на 100 – 250 км, угроза столице миновала.

К сожалению, Московская победа вызвала в Ставке Верховного Главнокомандования некоторое «головокружение от успехов». Было принято решение развивать дальнейшее наступление сразу на трёх стратегических направлениях – на севере, западе и юге. Ленинградскому, Волховскому и правому крылу Северо-Западного фронтов при содействии Балтийского флота предстояло разгромить главные силы немецкой группы армий «Север» и ликвидировать блокаду Ленинграда. Калининский и Западный фронты во взаимодействии с Северо-Западным и Брянским фронтами должны были окружить и разгромить основные силы группы армий «Центр». Юго-Западный и Южный фронты получили задачу нанести поражение группе армий «Юг» и освободить Донбасс. Кавказскому фронту и Черноморскому флоту предстояло очистить Крым.

В директивном письме Ставки 10 января командующим фронтам и армий было указано: *«Гнать их (вражеские войска – В.Г.) на запад без остановки, заставить их израсходовать резервы ещё до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить, таким образом, полный разгром гитлеровских войск в 1942 г.»*(Великая Отечественная война. Краткая история – М., 1967, с. 136). (В скобках заметим, что столь же фантастическую задачу – разгромить СССР в 1942 г. – ставило своим войскам и германское командование.)

Хотя гитлеровцам и был нанесён большой урон (их общие потери к весне 1942 г. составили более полумиллиона человек, 1300 танков и 1500 орудий), ни одной из поставленных задач решить не удалось по причине недооценки сил противника и переоценки собственных сил. В Красной Армии ощущалась нехватка боеприпасов, недостаток стратегических резервов на направлениях главных ударов (они были равномерно распределены по всему фронту), не хватало вооружения и боевой техники, так как эвакуированная промышленность ещё только налаживала их производство. Да и соотношение сил было не в пользу Красной Армии: по общей численности действующей армии – 5,1 против 6,2 млн. чел., по орудиям и миномётам – 44,9 против 57 тыс., по боевым самолётам – 2,2 против 3,4 тыс. Лишь по количеству танков, половину которых составляли лёгкие Т-60 и Т-70, мы имели некоторое превосходство – 3,9 против 3,2 тыс. (Василевский А.М. Дело всей жизни. – М., 6-е изд., 1988. – Кн. 1, с. 206).

Но едва ли не самое главное – многие советские командиры ещё продолжали воевать «по старинке». Они распыляли силы, особенно танковые и военно-воздушные, не сосредоточивали их на направлениях главных ударов, несвоевременно или неумело маневрировали войсками, не создавали заранее прочных линий обороны, вместо обхода и охвата вражеских войск проводили лобовые атаки, вместо артиллерийского наступления (переноса огня за наступающими войсками вглубь обороны противника)

проводили традиционную артиллерийскую подготовку, слабо организовывали разведку и дезинформацию и т.д. О некоторых из этих недостатков было указано в директивном письме от 10 января.

Попытка Ленинградского и Волховского фронтов прорвать блокаду Ленинграда окончились окружением и гибелью в июне 1942 г. 2-й ударной армии и предательством её командующего Власова.

Успешно начавшиеся действия Северо-Западного фронта на Старорусском направлении по окружению Демянской группировки противника, хотя и привели к разгрому трёх вражеских дивизий, окончились в целом безрезультатно.

На юго-западном театре войска Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов существенных успехов не добились, лишь под Харьковом в марте-апреле удалось вклиниться в оборону врага и захватить большой плацдарм («Барвенковский выступ»).

Керченско-Феодосийская десантная операция, начатая в январе 1942 г., несмотря на двукратное превосходство в людях и боевой технике, окончилась в мае катастрофой: были разгромлены две наши армии, оставшиеся в живых последние 12 тыс. десантников укрылись в Аджимушкайских каменоломнях и ещё несколько месяцев продолжали неравную героическую борьбу. Освободившиеся немецкие войска были переброшены на штурм Севастополя, а после его взятия – на Сталинградское направление.

Более успешно шли дела на Западном направлении (второй этап контрнаступления под Москвой). Войска продвинулись на запад ещё на 80 – 250 км, разгромили 16 дивизий противника (по немецким данным, общие потери немцев здесь составили 97 тыс. чел.), но затем советские войска упёрлись в мощную оборону врага, и наступление остановилось. Войска Калининского и Западного фронтов у Ржева глубоко охватили с флангов войска группы армий «Центр», однако в середине, между флангами, гитлеровцы прочно удерживали Ржевско-Вяземский плацдарм. Неоднократные попытки окружить плацдарм были неудачными и, в конце концов, привели в феврале 1942 г. к окружению и героической гибели советской 29-й армии, в апреле – 33-й армии вместе с её командующим генералом М.Г.Ефремовым, а в июле – 39-й армии.

К концу зимнего наступления Красная Армия израсходовала все свои резервы, созданные осенью и в начале зимы. *«...наши Вооружённые Силы по численному составу и особенно по технической оснащённости пока ещё значительно уступали противнику; готовых резервов и крупных материальных ресурсов у нас в то время не было»,* – вспоминал начальник Генштаба маршал А.М. Василевский (Василевский А.М. Там же, с. 202).

В середине марта Генштаб подготовил план весенне-летней кампании, главная идея которого – *«... активная стратегическая оборона, накопление резервов, а затем переход в решительное наступление»* (Василевский А.М. Там же, с. 205). То есть, наступление предусматривалось после изматывания сил противника в оборонительных боях. Этот план в конце марта был принят Верховным Главнокомандующим, но с поправками, включающими проведение частных наступательных операций, о которых сказано

выше. *«Критически оценивая теперь план действий на лето 1942 г., вынужден сказать, что самым уязвимым оказалось в нём решение одновременно обороняться и наступать»* (Василевский А.М. Там же, с. 206).

Роковую роль на решение Ставки сыграло настойчивое предложение командования Юго-Западного направления(и одновременно –фронта под тем же названием) начать в мае большую наступательную операцию в районе Барвенковского выступа с целью окружения и разгрома 6-й армии Паулюса и освобождения Харькова, хотя Генштаб и возражал против этого, поскольку на юге отсутствовали стратегические резервы. Ставка тогда полагала, что летнего наступления немцев следует ждать на Московском направлении, а *«обоснованные данные нашей разведки не были учтены. На юго-западное направление было выделено меньше сил, чем на западное»* (Василевский А.М.Там же, с. 206).

Впоследствии командующий 2-й танковой группой (армией) Гудериан писал: *«Весной 1942 г. перед немецким верховным командованием встал вопрос, в какой форме продолжать войну: наступать или обороняться? Переход к обороне был бы признаком собственного поражения в кампании 1941 г. и лишил бы нас шансов на успешное продолжение и окончание войны на Востоке и Западе<...> Оставалось решить, что следует предпринять на фронте длиной 3 тыс. км, чтобы обеспечить успех наступлению. Было ясно, что на большей части фронта войска должны были перейти к обороне»* (Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии. – М., 1975, с. 251).

Здесь мнения разделились. Генерал-фельдмаршал Кюхлер предлагал овладеть Ленинградом, Архангельском и Мурманском, начальник штаба сухопутных войск (ОКХ) генерал Гальдер – Москвой и всем центральным экономическим районом, вплоть до Волги. Фюрер смотрел шире. Вермахту нужна была нефть Кавказа, так как свои источники в Германии были исчерпаны, а единственный внешний поставщик нефти – Румыния могла обеспечить не более 2/3 потребностей Германии. Поэтому Гитлер при поддержке начальника штаба Верховного Командования (ОКВ) фельдмаршала Кейтеля принял решение наступать на юге и даже перенёс свою ставку из Восточной Пруссии в Винницу. (У самого Гитлера здесь были ещё более далеко идущие планы – оккупация Ирана, союз с Турцией, которая уже сосредоточила 28 дивизий у советской границы, проход через Афганистан и захват Ближнего Востока, а затем и Индии, «жемчужины британской короны»).

5 апреля 1942 г. Гитлер подписал Директиву №41 («план “Блау”»): *«...Придерживаясь исходных принципов Восточной кампании, необходимо, не предпринимая, активных действий на центральном участке фронта, добиться на севере падения Ленинграда и установить связь с финнами по суше, а на южном крыле осуществить прорыв в район Кавказа.<...> Цель эта может быть достигнута только по этапам. Первоначально необходимо сосредоточить все имеющиеся силы для проведения главной операции на южном участке фронта с целью уничтожить противника западнее р. Дон и в последующем захватить нефтяные районы Кавказа и перевалы через Кавказский хребет. Окончательная блокада Ленинграда и захват района р. Нева будут осуществлены, как только позволит обстановка в районе окружения или высвобождение других, достаточных сил»* (Самсонов А.М.Там же, с. 252).

На южном участке фронта немцы собрали более трети всей своей пехоты и более половины бронетехники и добавили к ним 3-ю румынскую, 8-ю итальянскую и 2-ю венгерскую армии. На первом этапе было решено ликвидировать Барвенковский выступ (операция «Фридрикус»), для чего противник сосредоточил в этом районе мощные ударные группировки, о чём командование нашего фронта не знало. Начало операции было запланировано на 18 мая.

Против этих превосходящих сил 12 мая войска Юго-Западного фронта и начали наступление, которое в начале застало немцев врасплох и пошло успешно: за первые три дня наши войска продвинулись на 25 – 50 км. Однако уже 17 мая из-за ошибок командования обстановка резко изменилась – противник в двух местах перешёл в контрнаступление и прорвал боевые порядки. Дважды – 17 и 18 мая – начальник Генштаба А.М. Василевский вносил в Ставку предложения об отводе войск с Барвенковского выступа, но Верховный Главнокомандующий, ссылаясь на заверения командования фронтом, согласия не давал. 19 мая командующий фронтом отдал приказ о прекращении наступательной операции, но было уже поздно, а 23 мая разразилась катастрофа – враг замкнул кольцо окружения, в «котёл» попали две армии и армейская группа. Наши потери составили 270 тыс. человек, из них 171 тыс. безвозвратные (убитые, умершие от ран и попавшие в плен).

28 июня противник силами двух полевых и одной танковой армий начал наступление на Курско-Воронежском направлении. (Надо иметь в виду, что в немецкой общевойсковой армии было не 7 – 10, а до 12 – 15 пехотных дивизий, численность же немецкой дивизии была в 1,5 – 2 раза больше численности советской.) Командование Брянского фронта, обладавшего превосходящими силами, допустило множество ошибок и не смогло оказать сопротивления. Неумело действовали и только что созданные танковые корпуса, которые, по словам А.М. Василевского, *«вели себя нерешительно: боялись оторваться от оборонявшейся пехоты, в связи с чем в большинстве случаев сами действовали по методам стрелковых войск, не учитывая своей специфики и своих возможностей»* (Василевский А.М. Там же, с. 218).

30 июня 6-я немецкая армия прорвала фронт шириной 170 км на стыке Юго-Западного и Брянского фронтов и стремительно двинулась к большой излучине Дона. Нависла угроза окружения войск Юго-Западного и Южного фронтов. И хотя Ставка приняла своевременные меры, к 24 июля враг достиг впечатляющих результатов: полностью занял Донбасс и вышел на большую излучину Дона – путь на Сталинград и Кавказ был открыт. Резервов и заранее подготовленных рубежей обороны здесь не было. Враг безостановочно шёл вперёд, организованная оборона Красной Армии рухнула, было потеряно управление беспорядочно отступающими войсками, в них всё чаще проявлялись трусость и паникёрство. Тогда-то (28 июля), как удар бича, и прозвучал знаменитый Приказ №227 «Ни шагу назад!».

Вспоминая поражения 1941 – 42 годов, маршал Г.К. Жуков говорил: *«Надо будет, наконец, посмотреть правде в глаза и, не стесняясь, сказать о том, как оно было на самом деле. Надо оценить по достоинству немецкую армию, с которой нам пришлось столкнуться с первых дней войны. Мы же не перед дурачками отступали по тысяче*

километров, а перед сильнейшей армией мира... Надо также признать, что немецкий Генеральный штаб и вообще немецкие штабы тогда лучше работали, чем наш Генеральный штаб и вообще наши штабы, немецкие командующие в тот период лучше и глубже думали, чем наши командующие. Мы учились в ходе войны и выучились и стали бить немцев, но это был длительный процесс» (Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. – М., 1989, с.79)

Горькие уроки Сорок второго не прошли даром. Было создано более совершенное оружие, организованы мощные танковые и воздушные соединения – корпуса и армии, введён новый Боевой устав, произошёл «естественный отбор» наиболее талантливых полководцев. А главное – Красная Армия, от Верховного Главнокомандующего до командира батальона, научилась воевать.

Будут ещё отдельные промахи и неудачи, но поражений больше не будет. Будет окружение и разгром 300-тысячной армии Паулюса под Сталинградом, будет Острогожско-Россошанская операция (при подавляющем превосходстве сил противника) с окружением и взятием в плен 86 тыс. вражеских солдат и офицеров, будет Воронежско-Касторненская операция с пленением десятков тысяч немецких и венгерских солдат и офицеров, будет освобождён почти весь Северный Кавказ, будет прорвана блокада Ленинграда. Будет, наконец, грандиозное сражение на Курской дуге, которое сломает хребет вермахту и которое повернёт весь ход Второй мировой войны. А дальше «русский вал» покатится до самого Берлина. Но это уже другие страницы нашей военной истории.

Послесловие автора. Недооценка сил противника – не только наша болезнь. Ей болели и поляки, рассчитывавшие победить Германию за месяц, а оказавшиеся разгромленными за две недели. Болели и французы, имевшие мощную армию, построившие неприступную оборонительную «линию Мажино» и разгромленные немцами через месяц после вторжения. Болели и англичане, потерпевшие катастрофу под Дюнкерком. Болели и американцы, оказавшиеся в отчаянном положении в Арденнах. Наконец, болели сами немцы, вначале вознамерившиеся разгромить СССР за 6 – 8 недель, потом – разгромить в 1942 году, потом вернуть в свои руки стратегическую инициативу в 1943-м. Для Третьего рейха эта болезнь оказалась смертельной.

Валерий Габрусенко